Статьи. Теория

Светлана М. Бардина
Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия

«Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-14-29

Резюме:
В статье рассматривается одна из ключевых теоретических проблем «новой социологии детства». Авторы, принадлежащие этому направлению, обращают внимание, что поле исследований детства определяется дуализмом природного и социального: детство рассматривается либо как естественный феномен, либо с позиций социального конструктивизма. Причину этой ситуации связывают с тем, что «детство» как предмет исследования возникло в результате нововременного проекта по поддержанию независимого существования зон социального и природного. Одной из задач современной социологии детства видится преодоление дихотомий Нового времени с помощью радикальной смены концептуального аппарата. В статье подробно анализируется один из нововременных проектов — политическая теория Томаса Гоббса — и роль детства в контексте возникновения бинарных оппозиций. Показано, что ребенок — противоречивая фигура, которая характеризуется, с одной стороны, исключенностью из общества вследствие неразумия наряду с сумасшедшими, с другой стороны — конститутивной ролью в поддержании общественного порядка. Рассматриваются три аспекта осмысления детства: принадлежность выделенной области «домашнего правления», ключевая роль в трансформации природного в социальное, а также специфическая функция «изнанки политического». Внимание к этим аспектам позволяет иначе взглянуть на специфику нововременной концептуализации детства: детство не было привязано к природе в противовес цивилизации, культуры и рациональности, как это утверждает Алан Праут и другие современные теоретики. Напротив, детство принадлежало смешанной области, которая играла основополагающую роль для определения политического пространства и его границ. В связи с этим ставится под сомнение проект возможной смены теоретического языка социологии детства.

Бардина Светлана Михайловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международного центра современной социологической теории МВШСЭН, старший научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС. Научные интересы: социология психиатрии, философия психиатрии, философия обыденного языка. E-mail: neology@bk.ru

Ключевые слова: Гоббс, детство, дуализм, новая социология детства, Новое время, неразумие

Svetlana M. Bardina

MSSES, Moscow, Russia

"Children, fools, and madmen": Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood

Abstract:
The article deals with one of the key issues in the new social study of childhood. Scholars pay attention to the fact that biosocial dualism remains a leading principle in childhood studies, and childhood is examined through the lens of either culture or nature. As stated by many authors, biosocial dualism in childhood studies originated from the Modern Age, when nature and society were distinguished as two separate zones. Overcoming the dualities of Modernity is seen as one of the main tasks for contemporary childhood studies. In this paper, the author analyzes Thomas Hobbes' conception of childhood. It is shown that the role of the child in modern thought was ambiguous. On the one hand, children — along with fools and madmen — are placed outside civil society, since all of them lack reason. On the other hand, children play a crucial role for maintaining social order. Three features of modern childhood are most important. First, children belong to a particular area of parental dominion which itself is neither natural nor civil. Second, they help transform the nature of power within this area. Third, childhood functions as a way of representing a political "outside zone". This reconstruction demonstrates that modern childhood was not exceptionally natural and opposed to society, as Alan Prout and other theorists claim. On the contrary, childhood was crucial for the existence of the "mixed zone". Moreover, it was highly significant for the defining boundaries of the political sphere.

Keywords: childhood, dualism, Hobbes, The Age of Modernity, new social study of childhood, unreason

«Новая социология детства» и Новое время

Четверть века назад была сформулирована исследовательская парадигма, получившая название «новой социологии детства» (new social study of childhood). Новая социология детства [James, Prout 1990; James, Jenks, Prout 1998; Jenks 2005b; Qvortrup 1993] возникла из амбиций «сделать шаг вперед по сравнению с традицией

Svetlana M. Bardina — PhD (Candidate of Science in Philosophy), senior research fellow of the International Center for Contemporary Social Theory, MSSES, senior research fellow of the Center for Sociological Research, RANEPA. Research interests: sociology of psychiatry, philosophy of psychiatry, ordinary language philosophy. E-mail: neology@bk.ru

исследования детей и детства через призму “взрослых” проблем» [Holmberg 2018: 160] и обратиться к реальности самих детей. Однако спустя 25 лет авторы юбилейного выпуска журнала *Childhood*, подводя промежуточные итоги этого проекта, пришли к выводу, что новая социология детства была изначально выстроена на противоречивых основаниях.

Крис Дженкс видит причины одержимости классических исследований детства «повесткой взрослых» в том, что понимание детства было поляризовано между психологией развития [Piaget 1932] и теорией социализации [Parsons 1956]: в одном случае в фокусе исследователей оказывались исключительно социальные, а в другом — исключительно биологические аспекты детства [Jenks 2005a: 4]. Эта оппозиция определяла поле возможных исследований детства, причем в обоих случаях ребенок понимался как абстрактный «будущий взрослый»: либо существо «биологически универсальное», либо «социально универсальное». В отличие от традиционных исследований новая социология детства была направлена не на «типичное детство» и не на универсальную фигуру «ребенка вообще» [Qvortrup 2005: 113], а на отдельные, частные смыслы детства и самих детей [Wyness 2012: 27]. Фокус переместился на то, как конструируется феномен детства в конкретных обстоятельствах с помощью «разнородных образов, репрезентаций и кодов» [Jenks 2005a: 2].

Но, по словам одного из основателей этого направления Алана Праута, новая социология детства, хотя и сделала шаг вперед по сравнению с предшествовавшими исследовательскими проектами, продолжала рассматривать детство через призму бинарной оппозиции социального и биологического. Долгое время — до XX века — детство оставалось за рамками интереса социальных наук. Оно было отдано на откуп биологическим и медицинским дисциплинам: эволюционной биологии, педиатрии, детской психологии [Prout 2008: 22]. Когда детство получило собственную тематизацию в социальной науке, маятник качнулся в противоположную сторону: «биологические проблемы детского развития уступили место социальным проблемам конституирования детства» [Kraftl 2013: 14]. И хотя новая социология детства отличалась, к примеру, от более ранней теории социализации Парсонса, по сути, она оставалась в той же системе координат. Отказ от универсализма, внимание к «частным смыслам детства» и к тому, как конструируются разные типы детства, привел к застреванию на позициях социального конструкционизма и просто переместил детство на другой полюс — в сторону социального [Holmberg 2018: 160]. Поэтому проект новой социологии детства, хотя и обратил внимание на «частные» смыслы детства, остался по своим

установкам редукционистским. Все, что находится за пределами оптики социального конструкционизма, оказывалось за рамками рассмотрения.

Одна из задач современной социологии детства видится в том, чтобы выявить причины биосоциального дуализма, определяющего исследовательскую оптику в этой сфере, и предложить пути его преодоления.

Текущую неудачу в преодолении дихотомии природного и социального исследователи связывают с тем, что новая социология детства изначально была построена как модернистский проект, центральная рамка которого — поиск и создание оппозиций. Праут [2011: 7] ссылается на аргумент Латура о произошедшем в Новое время, в эпоху Гоббса и Бойля, «Великом Разломе», разделившем «знание о вещах» и «знание о людях» и давшем начало существованию двух независимых областей реальности. Тогда же возник эпистемологический проект по поддержанию независимого существования двух зон; одним из его следствий стало утверждение «дуализма природа/общества» [Латур 2006: 108]. По мнению Тэйлор [Taylor 2013: 68], этот проект повлиял и на формирование биосоциального дуализма в представлениях о детстве.

Праут [2008, 2011; Тэйлор 2013] и другие теоретики в области исследований детства заключают, что именно нововременные оппозиции стали причиной ситуации, когда детство поделили между собой психология развития и теория социализации (а чуть позже — другие чисто социологические проекты, к которым относится и современная социология детства). Само поле исследований детства оказалось расчерчено зигзагообразным движением мысли от полюса биологического к полюсу социального, и по сей день детство изучается «либо через призму природы, либо культуры» [Ryan 2011: 440]. Многие авторы [Holmberg 2018; Lee 2013; Lee, Motzkau 2011; Prout 2011; Ryan 2012; Taylor 2011, 2013] сходятся во мнении, что дуализм биологического и социального «остается основным “навигационным принципом” в поле исследований детей и детства» [Lee, Motzkau 2011: 8]. Это видится корнем многих проблем в силу ограниченности каждой из перспектив и невозможности исследовать детство как комплексный феномен.

Далее мы обратимся к эпохе «Великого Разлома» и реконструируем, какую роль играло детство в создании областей «знания о вещах» и «знания о людях» и в формировании дихотомии природного и социального. Мы продемонстрируем сомнительность тезиса, что двойственность современных представлений о детстве является следствием оппозиций Модерна, и покажем возможность иного взгляда на концептуализацию детства в Новое время и на ее связь с проблематикой современной социологии детства.

Томас Гоббс, биосоциальный дуализм и вопрос о природе человека

Томаса Гоббса считают одним из создателей дихотомий Нового времени, и его политическая теория часто рассматривается в этом ключе [Van Krieken 2002: 258]. Что интересно, в концепции Гоббса тот ход, который позже связали с разделением природного и социального и который стал определяющим для поля исследований детства вплоть до сегодняшнего дня, имеет отношение именно к фигуре ребенка. Хотя в отличие от других нововременных теоретиков общественного договора [Локк 1988; Руссо 1912] Гоббс не создал ни педагогического трактата, ни самостоятельной концепции детства, идеи о природе ребенка и о воспитании имели большое значение для его политической теории.

Значение политической теории Гоббса во многом определяется тем, что в ней предлагается принципиально новое понимание человеческой природы. Доминирующая в то время схоластическая модель основывалась на аристотелианских идеях; человек понимался как двойственное существо, обладающее высшей разумной и низшей чувственной природой. Согласно этой модели, две природы человека должны быть гармонично соединены, то есть высшая часть должна получить власть над низшей, что свойственно самой человеческой природе [Frede 2015: 27]. Благодаря этому человек может быть частью сообщества. Таким образом, человеческая природа рациональна, а общество «природно-разумно» [Hunter 2010]. Природно — поскольку основывается на качествах, которые принадлежат человеческой природе, разумно — поскольку эта природа разумна за счет верховенства разумной части души. Из этого вытекал постулат об изначальной предназначенности человека к общественной жизни, который стал отправной точкой для критики Гоббса: «Человек рождается [согласно прежним теориям государства] готовым к жизни в обществе: греки называли человека ζῷον πολιτικόν [политическим животным] и на этом выстраивали учение о гражданском обществе» [Hobbes 1983: 42].

Сам Гоббс полагал, что естественные способности человека не могут служить основанием для общества, как это представлялось схоластам. Не отрицая существования у людей естественной социальности, то есть способности взаимодействовать друг с другом, он не мог согласиться с тем, что она выступает основой для построения гармоничного общества. Напротив, она приводит к гражданским распрям. По Гоббсу, естественная природа человека «докультурная, досоциальная и дополитическая» [Nisbet 1974: 139]. Сборище (meeting) может существовать благодаря природной способности к взаимодействию, но общество отличается от простого сборища.

Подчеркивая это различие, Гоббс утверждает, что «все люди, поскольку они рождены детьми, рождены не готовыми к жизни в обществе (unapt for society). Многие также (возможно, большинство) в силу изъяна ума (defect of minde) или недостатка обучения остаются не готовыми к жизни в обществе в ходе всей их жизни. Однако они — и дети, и взрослые — имеют человеческую природу. Потому способность жить в обществе (fit for society) дается человеку не природой, но образованием» [Hobbes 1983: 44].

Соответственно между природой человека и обществом существует разрыв. В силу того что естественный разум не может служить основанием общества, оно возникает в силу иных механизмов. Прежде всего общество — это «результат верховной власти (sovereignty)» [Wickham 2014: 144]. При этом основным ресурсом превращения не готового к жизни в обществе человека в члена общества является образование, или дисциплина[1].

Этот переход объясняет, почему для Гоббса столь важна идея образования, а также ставит вопрос, каким статусом обладает ребенок, пока он «не готов к жизни в обществе».

«Малый Левиафан» для детей

Детство в модели Гоббса определяется через, казалось бы, исключающие друг друга характеристики. С одной стороны, это исключенность из общества, с другой — включенность во властные отношения.

Прежде всего детство характеризует неразумие. Дети «не одарены способностью к рассуждению до тех пор, пока они не получили способности речи» [Гоббс 1991: 35]. Но и владение языком, необходимое для возникновения самой способности рассуждать, еще не является гарантией разумности. Дети «неразумны» в социальном смысле, они не способны осознать блага, связанные с общественной жизнью. Коль скоро одной из основных характеристик детства является неразумность, неудивительно, что Гоббс неоднократно [Hobbes 1983: 51; Гоббс 1991: 126, 209] относит детей к той же категории, что и сумасшедших или идиотов: все они в первую очередь «лишены разума» [Гоббс 1991: 126]. Их политический статус имеет фундаментальное сходство: дети — равно как и «идиоты» (fools) — не могут «войти в общество» [Hobbes 1983: 44] в качестве его полноправных членов, по-

1 В современных англоязычных изданиях [Hobbes 1998] используются выражения education или training. Бежан считает, что использованное в данном случае латинское слово disciplina ближе по значению к «дисциплине» (discipline) [Bejan 2010: 623].

скольку не осознают пользу общественной жизни. Соответственно в силу своего неразумия дети и другие неразумные явным образом и по определению находятся вне общества.

Однако это ни в коем случае не означает, что дети принадлежат естественному состоянию или что они «природные» существа, свободные от общественных отношений [Chapman 1975: 82]. Хотя дети не могут быть членами общества, они включены в его структуру в силу того, что родители обладают властью над детьми, причем в первую очередь эти отношения власти относятся к «гражданскому состоянию» [Гоббс 1991: 126]. Но ребенок, не являясь участником общественных отношений наряду с гражданами, занимает принципиально иную роль в структуре общества.

Чапман [1975: 77] предлагает такую модель для прояснения отношений, участниками которых являются дети: семья — это «Левиафан в миниатюре» (Leviathan writ small). Гоббс [1989: 370] мыслит семью в политических терминах и говорит, что «семью можно было бы назвать малым государством». Даже само определение семьи задается через понятие гражданской власти: «Отец семейства, дети и рабы его, объединенные силою отцовской власти в одно гражданское лицо, называются семьей» [Там же: 370]. Гоббс проводит прямую параллель между подчинением детей и подчинением граждан: «Дети подчиняются родителям точно так же, как <...> граждане — государству» [Там же: 365]. В то же время коль скоро граждане подчиняются суверену, дети не могут быть полностью независимы по отношению к государству — «большому» Левиафану. Эта дилемма решается следующим образом. Дети (а также слуги) подчиняются главе семьи в тех вопросах, которые не регулируются государством. В этих вопросах глава семьи, который сам при этом является подданным, осуществляет функции «правления», аналогичные функциям государства. «Отец или хозяин <...> обязывает своих детей и слуг лишь в рамках, допущенных законом, но не больше <...> Во всех остальных делах в течение того времени, пока они находятся под домашним правлением, они являются подданными своих отцов и хозяев как непосредственных суверенов» [Гоббс 1991: 183]. Соответственно существование семьи как «малого Левиафана» возможно за счет выделения особой области «домашнего правления».

Однако параллель между домашним и государственным правлениями, даже при понимании домашнего правления в качестве выделенной области, может быть проведена лишь до определенной степени. Граждане осознают пользу жизни в обществе и сознательно подчиняются суверену. Дети неразумны, и, хотя они включены во властные отношения, они не являются членами общества. Таким образом, область «домашнего правления» не может быть простой

уменьшенной копией области, в которой выстраиваются отношения государства и гражданина. И хотя властные отношения между детьми и родителями в чем-то сходны с отношениями суверена и подданных, они должны иметь иное основание. Модель «Левиафана в миниатюре» представляется недостаточной и нуждается в дополнительном уточнении. Прежде всего необходимо прояснить, в чем специфика этой области и что выступает основой отношения власти в случае детей. Это позволит также показать, в чем состоит особенность роли ребенка.

Трансформация природного в социальное

Вопрос о том, на чем основано господство над детьми, не имеет единого непротиворечивого ответа. Гоббс признает, что изначально ребенок оказывается в подчинении взрослого (родителя) в силу физического превосходства последнего. Однако физическое подчинение не может быть надежной основой отношений господства. Прежде всего необходимо принимать в расчет, что, когда ребенок вырастет и обретет силу, он может стать врагом своему родителю [Hobbes 1983: 122]. Поэтому для стабильного поддержания власти в семье возникает необходимость в «согласии» (consent) детей подчиняться родителям, которое может быть «ясно выраженным или тем или иным путем достаточно выявленным» [Гоббс 1991: 156]. Возможность такого согласия представляется проблематичной в силу того, что ребенок не может выражать согласие тем же способом, что и разумный гражданин.

Гоббс подчеркивает, что «дети <...> никогда не были способны заключать соглашение или понимать вытекающие из него последствия» [Там же: 209]. Соответственно согласие детей не может быть достигнуто через «соглашение» (covenant). Единственный путь, посредством которого можно добиться согласия, — это «внушение». Родитель, обладая властью над ребенком в силу его физической слабости, должен использовать это положение для того, чтобы убедить ребенка в необходимом характере этой власти. Пока дети находятся под опекой родителей, им «надо внушить (are to be taught), что вначале отец всякого человека был и его сувереном, властелином, имевшим власть над его жизнью и смертью, и хотя по установлении государства отцы семейств отреклись от этой абсолютной власти, однако никогда не имелось в виду, чтобы они теряли право на то уважение, которое заслужили от своих детей» [Там же: 265].

Таким образом, власть родителей над детьми имеет двойственную природу. Она базируется на физическом превосходстве, но утверждается и закрепляется через обучение, посредством научения ребенка и «внушения» идеи о легитимности этой власти. Характер вла-

сти меняется: из явления физического она превращается в явление гражданское. Процесс обучения, а точнее, процесс внушения детям определенных представлений о власти, оказывается инструментом трансформации природы властных отношений в семье.

Но эта трансформация оказывает дальнейшее воздействие на то, что происходит за пределами выделенной области «домашнего правления». Разделительная черта между людьми, не готовыми к жизни в обществе в силу неразумия, будь они детьми или взрослыми, проходит по линии образования. Именно процесс образования, или дисциплинирования, позволяет преодолеть разрыв между «естественной социальностью» и собственно социальным порядком (хотя существование неразумных взрослых свидетельствует о том, что этот процесс не всегда позволяет достигнуть желаемого результата). Сам ребенок не является членом общества, но, благодаря существованию выделенной области детства, возможна трансформация природы власти.

Поэтому образование — это не просто частная функция «малого Левиафана», но то, что дает человеку способность жить в обществе, и эта трансформация является основополагающей для поддержания политического порядка. «Ребенок, хорошо обученный своими родителями, готов к тому, чтобы быть хорошим гражданином, то есть послушным подданным» [Chapman 1975: 82], поскольку для успешного функционирования сообщества необходимо, чтобы определенные уроки, связанные с политическим устройством общества, усвоили все граждане [Vaughan 2002: 36].

Стоит оговорить, что образование, которое делает возможным общество, — это именно атрибут «детства» как такового и обучения детей в семье. Гоббс придает большое значение университетскому образованию: как отмечает Бежан [Bejan 2010: 607], единственная конкретная рекомендация, которую делает Гоббс в «Левиафане», — предложение по немедленной реформе образования. Гоббс [1991: 267] подчеркивает важность «правильной постановки обучения юношества в университетах» и много говорит об опасности, которую университеты несут в себе: оттуда выходят люди, которые учат граждан неповиновению [Hobbes 1889: 40]. Однако в «De homine» Гоббс подчеркивает, что установки по отношению ко всем вещам формируются (shaped) в соответствии с желаниями родителей и учителей. Первоначальное обучение, которое осуществляется в семье, имеет принципиальное значение для дальнейшего образования, так как способствует первичному усвоению мнений и убеждений [Bejan 2010: 619]. Хотя Гоббс и подчеркивал значение реформы университетского образования, он признавал, что ее эффективность зиждется на принципах обучения детей в семье [Chapman 1975: 87].

Таким образом, можно согласиться с Чапманом в том, что ребенок определяется через свою роль в системе семейной власти. Однако речь идет не просто о выделении области домашнего правления, дополнительной по отношению к государственному управлению. Субъектами домашнего правления, в частности, являются не только дети, но и слуги, а также рабы. Однако дети имеют совершенно особый статус, обусловленный тем, что в семье происходит трансформация природы власти. Так, оказывается, что область домашнего правления — это не узкая область внутри более широкой области социального. Это выделенная область, внутри которой происходит процесс изменения природы власти. Ребенок принадлежит сфере, которая принципиальным образом отличается от автономной сферы природного или социального. А задача трансформации природного в социальное позволяет объяснить значение выделенной области детства для преодоления разрыва между природой и обществом.

«Политическое потустороннее»

Дети обладают особым статусом; функции детства связаны не только с преобразованием конкретного человека, но с поддержанием порядка. Нововременная мысль не допускает, что природа человека выступает в качестве гармоничного основания общества. Существование общества возможно в силу иных механизмов, в частности благодаря наличию особой области, в которой происходит превращение человека в члена общества и которая не может быть названа социальной в чистом виде. В это время дети находятся вне общества, так как до обретения разума они не могут вступить в него. Далее мы подробнее остановимся на том, как функционирует эта выделенная область, которая имеет политическое значение, но при этом не является в чистом виде социальной. Для этого мы обратимся к статусу сумасшедшего — другой «пограничной» по отношению к обществу фигуры в концепции Гоббса. Это сопоставление позволит сделать видимым еще одно обстоятельство, оно характеризует роль тех людей, которые включены в структуру общества, но не являются его членами.

Другие «лишенные разума» люди обладают не менее противоречивым статусом, чем дети. По Гоббсу, многие «в силу изъяна ума (defect of minde) или недостатка обучения остаются неготовыми к жизни в обществе в ходе всей их жизни» [Hobbes 1983: 44]. Люди, «лишенные ума», то есть сумасшедшие (madmen) либо идиоты (fools), не способны понимать смысл и последствия общественного соглашения [Гоббс 1991: 209] и точно так же, как и дети, подлежат власти других граждан.

Попытку прояснить функцию сумасшедших в политической модели Гоббса и в структуре нововременного общества в целом предпринимает Дернер в историческом исследовании «Гражданин и безумие». Дернер исследует политические функции, которые играло безумие в Новое время. Признавая, как и Фуко [1997], что безумие принадлежит широкой категории «общественного неразумия», Дернер выделяет его специфические политические функции. По Дернеру, хотя сумасшедшие и находились за пределами гражданского мира, само их неразумие было тесно связано с общественным устройством. Будучи явным образом исключены за пределы общественного порядка, сумасшедшие тем не менее были в нем особым образом представлены. Отсылая к модели общественного устройства Гоббса, Дернер [2006: 41] характеризует безумие как «политическое потустороннее». Безумие не просто исключено из гражданского состояния, оно имеет свои политические функции, которые обусловлены самим его исключением.

Политические функции безумия заключаются в том, что фигура сумасшедшего позволяет осуществлять своего рода «репрезентацию» тех, кто находится вне границ разума. Безумие — «крайний», явно видимый случай общественного неразумия. Тех, кто плохо вписывался в границы гражданского мира, например нищих или политически неблагонадежных, обходили молчанием, но сумасшедших, напротив, демонстрировали публике, утверждая тем самым «господство разума над природой и неразумием», и наглядно показывая, что «шаткая основа страстей» человека должна быть подчинена [Там же: 39]. По Гоббсу, неуправляемые страсти приводят к гражданским беспорядкам; для существования общества необходима «тренировка (discipline) воли субъектов с целью сбалансировать их страсти» [Wickham 2014: 140]. Между тем в основе сумасшествия лежат «страсти большой силы и продолжительности, которые обусловливают странное и необычное поведение» [Гоббс 1991: 63]. Соответственно безумие являет собой пример крайней неуправляемости страстей, и потому оно особенно ярко демонстрирует всю пагубность поведения, основанного на неподвластных общественному разуму страстях.

Так, политические функции сумасшествия, по Дернеру, состояли в наглядной демонстрации опасности неразумной жизни. Через безумие «опасность [такой жизни] для общества могла быть показана в своем истинном бессилии» [Дернер 2006: 41]. Это позволяет Дернеру назвать сумасшествие «политическим потусторонним»: оно не просто исключено из порядка, но существует в качестве его явной изнанки. Наличие видимой области «потустороннего» играет определяющую роль для поддержания общественного порядка за счет демонстрации «бессилия» того, что ему противостоит.

Идея «политического потустороннего» позволяет сделать более понятной и сложную политическую функцию детства. И дети, и сумасшедшие принадлежат выделенному пространству, в котором разум «побеждает» природу: в одном случае это область домашнего правления, в другом — пространство изоляции, в котором разыгрывается драматическое представление. И в том, и в другом случае происходит своего рода «приручение» того, что находится за пределами разума и порядка, с помощью наглядной демонстрации или процесса внушения представлений о незыблемости власти.

В нововременной модели нет представлений о гармоничном соединении естественного и разумного, которое свойственно самой человеческой природе. Если для Аристотеля и схоластов высшая разумная природа человека естественным образом приобретала власть над низшей чувственной, для Гоббса этот процесс не является естественным. Он осуществляется с помощью «воспитания и дрессировки, которые должны были сломить безумие с помощью разумной истины» [Там же: 41] или с помощью образования [Hobbes 1983: 44]. Эти процессы протекают в особом выделенном пространстве. Само это пространство не может быть названо политическим в чистом виде, но представляет скорее его изнанку. Дети, равно как и безумные, хотя и в менее радикальной форме, представляют собой то, что находится за пределами общества, но видимо и различимо этим обществом в качестве «потустороннего» и потому требует «приручения».

Новая социология детства без нововременного наследия

Подробная реконструкция одной из нововременных концептуализаций детства прежде всего демонстрирует спорность тезиса, что нововременной дуализм «природа/общество» привел к концептуализации детства как атрибута одной из этих областей. Разделение природы и общества действительно связано с представлениями о детстве, однако совершенно иным образом. Детство принадлежит выделенной области, которая не является ни природной, ни социальной, но имеет принципиальное значение для поддержания этого различия.

Тэйлор, Праут и другие теоретики новой социологии детства обращались к возникшей в Новое время способности «видеть надвое» [Латур 2006: 92] и поддерживать эпистемологическую автономность областей природного и социального не только для того, чтобы реконструировать историю исследования детства, но и для того чтобы решить возникший еще в то время парадокс. С их точки зрения, нововременная мысль предопределила судьбу исследований дет-

ства, но сейчас эту траекторию можно изменить. Решение проблем современных исследований детства видится в радикальной смене концептуальной модели. Крафтл [Kraftl 2013] предлагает для исследований детства понятийный аппарат «больше-чем-социального» (more-than-social), Ли [2012] обращается к делезианскому концепту множественности, Праут [2011] предлагает концептуализировать различные аспекты детства как сложные природно-культурные ассамбляжи. Авторы подчеркивают, что реальное детство характеризует сложность, которую не может схватить любая теория и которая сохраняет связь с нововременным наследием, а потому необходимо видит детство через призму бинарных оппозиций.

Это решение — и шанс на возникновение «новой волны» в исследованиях детства [Ryan 2012: 2], свободной от упомянутых проблем, — основано на предположении, что «детство» как предмет исследования изначально возникло как эффект сосуществования двух независимых областей реальности. Тэйлор [2011: 422] указывает, что концепция «естественного ребенка» (natural child) стала возможна в результате сформированной в Новое время идее разрыва между природой и обществом: понятия природы и детства оказались отделены от цивилизации, культуры и рациональности[1]. Дети не являются полноправными участниками политической жизни и социальных отношений, а, следовательно, они в отличие от взрослых граждан определяются через свою естественную природу, «досоциальную и дополитическую». Так, детство оказалось вовсе закрыто от внимания социальных наук и на несколько столетий привязано к полюсу природного. В силу того что связь детства и природы была очень тесной, когда в орбиту внимания ученых попали социальные аспекты детства, социология детства полностью противопоставила себя предшествовавшей мысли, и за счет этого дуализм сохранился.

Произведенная реконструкция роли детства в нововременной мысли показывает, что такое представление неверно. Прежде всего детство возникло в мысли Нового времени не как природное явление, а как феномен на границе двух сфер, и концептуализации детства изначально схватывали его пресловутую сложность. Но дело не только в том, что детство изначально не принадлежало одной онтологически независимой сфере. Сложность детства не просто осмыслялась — она отчасти создавалась подобным концептуальным решением. Детство,

1 Тесную связь детства и природы часто связывают не только с самим возникновением разрыва природного и социального, но и с развитием этого дуализма в педагогической концепции другого теоретика общественного договора — Руссо [Peters, Johansson 2012; Taylor 2013; Zhao 2011]. Мы подробно разбираем эти аргументы и политический смысл детства в текстах Руссо в другой работе [Bardina 2017].

как оно было представлено в теории Гоббса, делало возможным саму модель, в которой может быть описано противоречие между существованием общества и естественной природой человека.

Связь между концептуализацией детства в нововременной мысли и созданием бинарных оппозиций действительно существовала. Однако эта связь заключалась не в том, что детство описывалось в оптике «двойного видения», а в том, что детство как сложное явление делало возможным основание этого «двойного видения». Поддержание детства как пограничной сферы между природным и социальным было политической ставкой: детство исполняло функцию «политического потустороннего», пограничной сферы, которая необходима для поддержания социального порядка, не принадлежа ему самому. А это означает, что предлагаемая смена языка описания детства не возвращает утраченную сложность и многоплановость детства, но, напротив, отчасти затемняет ее. Чтобы избежать этой опасности, дуализм в современных исследованиях детства следует учитывать не в качестве теоретической рамки, которую необходимо преодолеть, но в качестве политической задачи, сформировавшей концептуальные контуры детства.

Библиография / References

Гоббс Т. (1991) Левиафан. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль.

— Hobbes T. (1991) Leviathan. Hobbes T. *Works in two volumes*, Vol. 2. Moscow: Mysl'. — in Russ.

Гоббс Т. (1989) О гражданине. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Мысль.

— Hobbes T. (1989) On the citizen. Hobbes T. *Works in two volumes,* Moscow: Mysl'. — in Russ.

Дернер К. (2006) Гражданин и безумие. *К* социальной истории и научной социологии психиатрии, М: Алетейя.

— Dörner K. (2006) *Madmen and the bourgeoisie: A social history of insanity and psychiatry,* Moscow: Aleteyya. — in Russ.

Латур Б. (2006) Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии, СПб: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2006) *We have never been modern,* Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v S.-Peterburge. — in Russ.

Локк Дж. (1988) Мысли о воспитании. Локк Дж. Сочинения в трех томах, М.: Мысль: 407-614.

— Locke J. (1988) Some Thoughts Concerning Education. Locke J. *Works in three volumes,* Moscow: Mysl': 407-614. — in Russ.

Руссо Ж.-Ж. (1912) Эмиль, или О воспитании. СПб.: Изд-во газеты «Школа и жизнь».

— Rousseau J.-J. (1912) *Emile, or education,* SPb.: Izdatel'stvo gazety "Shkola i zhizn'". — in Russ.

Фуко М. (1997) История безумия в классическую эпоху, Спб.: Университетская книга.

— Foucault M. (1997) *A History of Insanity in the Age of Reason,* Spb.: Universitetskaya kniga. — in Russ.

Bardina S. (2017) Reconciliation of natural and social: Rethinking Rousseau's educational theory. *Educational Philosophy and Theory*, 49 (14): 1381–1391.

Bejan T. (2010) Teaching the *Leviathan*: Thomas Hobbes on education. *Oxford Review of Education*, 36 (5): 607–626.

Chapman R. (1975) Leviathan Writ Small: Thomas Hobbes on the Family. *The American Political Science Review*, 69: 76-90.

Frede D. (2015). Determining the good in action. J. Aufderheide, R. Bader (eds) *The highest good in Aristotle and Kant*, New York: Oxford University Press: 16-35.

Hobbes T. (1889) *Behemoth, Or The Long Parliament*, London: Simpkin, Marshall and Co.

Hobbes T. (1983). *De Cive: the English version entitled, in the first edition, Philosophical rudiments concerning government and society*, New York: Oxford University Press.

Hobbes T. (1998) *On the Citizen. Cambridge Texts in the History of Political Thought*. R. Tuck, M. Silverthorne (eds), Cambridge: Cambridge University Press.

Holmberg L. (2018) The future of childhood studies? Reconstructing childhood with ideological dilemmas and metaphorical expressions. *Childhood*, 25 (2): 158-172.

James A., Prout A. (eds) (1990) *Constructing and Reconstructing Childhood*, New York, London: Routledge.

James A., Jenks C., Prout A. (eds) (1998) *Theorizing Childhood*, Cambridge: Polity Press.

Jenks C. (2005) General introduction. C. Jenks (ed.) *Childhood*, New York, London: Routledge: 1-24.

Jenks C. (ed) (2005) *Childhood*, New York, London: Routledge.

Kraftl P. (2013) Beyond "voice", beyond "agency", beyond "politics"? Hybrid childhoods and some critical reflections on children's emotional geographies. *Emotion, Space and Society*, 9: 13-23.

Lee N. (2013) *Childhood and Biopolitics: Climate Change, Life Processes and Human Futures*, London: Palgrave Macmillan.

Lee N., Motzkau J. (2011) Navigating the bio-politics of childhood. *Childhood*, 18 (1): 7-19.

Nisbet R. (1974) *The Social Philosophers*, London: Heinemann.

Parsons T. (1956) The American family: Its relation to personality and the social structure. T. Parsons, R. Bales (eds) *Family, Socialisation and Interaction Process*, London: Routledge and Kegan Paul.

Peters M., Johansson V. (2012) Historicizing subjectivity in childhood studies. *Linguistic and Philosophical Investigations*, 11: 42-61.

Piaget J. (1932) *The Moral Judgment of the Child*, Oxford: Harcourt, Brace.

Prout A. (2008) Culture-nature and the construction of childhood. K. Drotner, S. Livingstone (eds) *International handbook of children, media and culture*, London: Sage: 21-35.

Prout A. (2011) Taking a Step Away from Modernity: Reconsidering the New Sociology of Childhood. *Global Studies of Childhood*, 1 (1): 4-14.

Qvortrup J. (1993) Societal position of childhood: the international project Childhood as a Social Phenomenon. *Childhood*, 1: 119-124.

Qvortrup J. (2005) Childhood and modern society. A paradoxical relationship? C. Jenks (ed.) (2005) *Childhood*, New York, London: Routledge: 110-118.

Ryan K. (2011) The new wave of childhood studies: Breaking the grip of bio-social dualism? *Childhood*, 19 (4): 439–452.

Taylor A. (2011) Reconceptualizing the "nature" of childhood. *Childhood*, 18 (1): 420-433.

Taylor A. (2013) *Reconfiguring the natures of childhood*, New York, London: Routledge.

Van Krieken R. (2002) The paradox of the "two sociologies": Hobbes, Latour and the Constitution of modern social theory. *Journal of Sociology*, 38 (3): 255–273.

Wickham G. (2014). Hobbes's commitment to society as a product of sovereignty: A basis for a Hobbesian sociology. *Journal of Classical Sociology*, 14: 139–155.

Wyness M. (2012) *Childhood and society: an introduction to the sociology of childhood*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Zhao G. (2011) The modern construction of childhood: What does it do to the paradox of modernity? *Studies in Philosophy and Education*, 30: 241–256.

Рекомендация для цитирования:

Бардина С.М. (2019) «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства. *Социология власти*, 31 (1): 14-29.

For citations:

Bardina S.M. (2019) "Children, fools, and madmen": Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood. *Sociology of Power*, 31 (1): 14-29.

Поступила в редакцию: 16.01.2019; принята в печать: 10.02.2019

Received: 16.01.2019; Accepted for publication: 10.02.2019